

рии парламентаризма и демократии в России. Безусловно, это свидетельствует о стремлении нового поколения дать свою оценку ходу развития страны, поэтому тематика обсуждений и докладов на молодежной секции семинара сформулирована как «Дума и процесс модернизации в России в начале XX века в оценке современной молодежи». Уверен, что «Таврические чтения» станут ежегодным мероприятием Музея истории парламентаризма в России.

Желаю всем участникам научно-практического семинара успешной и плодотворной работы.

С. В. КУЛИКОВ

Император Николай II и Государственная дума: неизвестные планы и упущенные возможности

Ключевая проблема истории Государственной думы Российской империи – отношение к народному представительству императора Николая II. Несмотря на всю свою значимость, эта проблема до сих пор не получила специального освещения, вероятно потому, что для большинства историков, писавших о последнем императоре, причем независимо от их политических позиций, и так все ясно. Они исходили или исходят из тезиса о принципиальном неприятии Николаем II самой идеи народного представительства и ее российского воплощения – Государственной думы³. Упомянутый тезис можно сформулировать еще проще – Дума возникла вопреки Николаю II и благодаря оппозиционному и революционному движению. Так ли это на самом деле?

³ Характерны, в этом смысле, следующие работы: *Ферро М.* Николай II. М., 1991; *Ирошников М. П., Процай Л. А., Шелаев Ю. Б.* Николай II. Последний российский император. СПб., 1992; *Боханов А. П.* 1) Николай II // Российские самодержцы. 1801–1917. М., 1993; 2) Император Николай II. М., 1998; *Леви Х.-Д.* Николай II // Русские цари. 1547–1917. Ростов-на-Дону; М., 1997; *Хереш Э.* Николай II. Ростов-на-Дону, 1998. Условно представлений о личности Николая II способствовали работы Р. Уортмена, Б. В. Ананьича и Р. Ш. Ганелина. См.: *Уортмен Р.* Николай II и образ самодержавия // Реформы или революция? Россия 1861–1917. Мат. межд. кол. историков. СПб., 1992; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* 1) Николай II // Вопросы истории. 1993. № 2; 2) От составителей // Николай II: Воспоминания. Дневники. Сост. Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин. СПб., 1994; Frankland N. Imperial Tragedy. Nicholas II, Last of the Tsars. N.-Y., 1961; Lieven D. Nicholas II. Emperor of all Russias. London, 1993. См. также: *Куликов С. В.* Император Николай II в годы Первой мировой войны // Английская набережная, 4. Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000.

Ответить на поставленный вопрос поможет анализ новых и уже известных (но до сих пор не использованных исследователями) источников в контексте государственно-правового дискурса конца XIX–начала XX вв., который реконструируется на основе работ выдающихся отечественных юристов того времени⁴. Все они делили монархии на абсолютные и ограниченные, а последние – на конституционные (дуалистические) и парламентарные, причем в абсолютизме, дуализме и парламентаризме видели особые формы правления. Как полагали специалисты, в конституционно-дуалистическом государстве, будь то монархия (Германская империя) или республика (США), глава государства ограничена народным представительством только в законодательстве, в управлении же он остается неограниченным, осуществляя монархический принцип. Именно поэтому правительство в дуалистическом государстве зависит не от палат, а от монарха или президента, который и царствует, и правит. Налицо, таким образом, дуализм двух независимых друг от друга отраслей власти – законодательной (представительство) и исполнительной (правительство).

Термин «конституционное государство» применяли по отношению не только к дуалистической, но и к парламентарной (парламентской) системе, а потому он имел, помимо узкого, и широкое значение. В России конца XIX–начала XX вв. представители оппозиционной и революционной интеллигенции придавали термину «конституция» именно широкое значение и подразумевали под ней «парламентаризм». Юристы подчеркивали, что народное представительство, будучи парламентом, формально, а чаще всего – фактически, ограничивает главу государства, помимо законодательства, и в управлении, прежде всего – при назначении и увольнении министров, осуществляя народовластие. Парламентарный монарх (в Англии) или президент (во Франции) царствует, но не правит, а его министры опираются в своей деятельности на доверие нижней палаты. Данная система и называлась парламентаризмом в узком смысле слова. Сейчас термин «парламентаризм» используется в широком смысле слова, однако при изучении эпохи конца XIX–начала XX вв. необходимо учитывать семантику этого термина, свойственную данной эпохе.

Специфика отношения Николая II к Думе была детерминирована взглядами его любимого преподавателя – Н. Х. Бунге, председателя Комитета министров, крупнейшего представителя правительственного

⁴ Подробнее о государственно-правовом дискурсе начала XX в. см.: Куликов С. В. Государственно-правовой дискурс, императорское правительство и думская оппозиция в нач. XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVI–нач. XX). Мат. науч.-теор. конф. 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004. С. 283–284.

либерализма⁵. В своем политическом завещании, адресованном Николаю II, Н. Х. Бунге фактически вернулся к проекту М. Т. Лорис-Меликова, считая несомненным, что «настояла и настояит необходимость иметь такой состав Государственного совета, при котором бы основательно, с участием экспертов, разрабатывались законы». «Нет надобности значительно увеличивать личный состав Государственного совета, – полагал Н. Х. Бунге, – но некоторое увеличение все-таки необходимо» за счет введения в него дворян, «принимающих ближайшее участие в земских учреждениях», и экспертов «из разных местностей» «с правом голоса» «только по определенным специальным делам»⁶. Таким образом, Н. Х. Бунге советовал своему ученику внедрять элементы народного представительства не сразу, а постепенно.

Во многом именно влияние Н. Х. Бунге сделало из Николая II сторонника реформ, по причине чего уже в начале царствования он имел свой реформаторский проект, основанный на завещании Н. Х. Бунге и осуществлявшийся монархом в дальнейшей государственной деятельности. Генерал А. Г. Елчанинов писал в 1913 г., что «обширные и всесторонние преобразования, которые были намечены государем императором при самом восшествии его на престол, неукоснительно осуществлялись и продолжают осуществляться»⁷. Мнение А. Г. Елчанинова весьма важно, поскольку является, по сути, мнением самого Николая II, лично редактировавшего книгу генерала. Подразумевая эту книгу, великий князь Павел Александрович сообщал императору, что она «представляет наибольший интерес, как проверенная тобою самим»⁸. Естественно, что реформаторский проект Николая II имел консервативно-либеральный характер и, в этом смысле, отличался большей умеренностью, по сравнению с реформаторскими проектами оппозиционеров, не говоря уже о революционерах, что проявилось особенно ярко именно по вопросу о создании в России народного представительства.

Николай II готовил создание народного представительства задолго до 1905 г. и совершенно независимо от оппозиционного или револю-

⁵ О Н. Х. Бунге см.: *Ананьич Б. В.* Торжество нового курса. *К. П. Победоносцев и М. Н. Катков.* Реформы Н. Х. Бунге // *Власть и реформы. От самодержавной к советской России* / Под ред. Б. В. Ананьича. СПб., 1996. С. 380–398; *Степанов В. Л.* *Бунге Н. Х.* Судьба реформатора. М., 1998.

⁶ *Бунге Н. Х.* «Загробные заметки». 1890–1894 гг. // *Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вт. пол. XIX в.)* / Сост. Л. Е. Шепелев. СПб., 1999. С. 236.

⁷ *Елчанинов А. Г.* Царствование государя императора Николая Александровича. СПб.; М., 1913. С. 116.

⁸ Павел Александрович – Николаю II. 29 мая 1913 г. // *Николай II и великие князья (Родственные письма к последнему царю)* / Под ред. В. П. Семеникова. Л.; М., 1925. С. 58.

ционного движения. Государственный контролер генерал П. Л. Лобко напомнил Николаю II в июле 1905 г.: «Ваше величество еще задолго до Рескрипта 18 февраля [1905 г. о согласии царя учредить высший представительный орган] изволили высказывать, что мысль об обращении к народу для помощи правительству уже издавна составляет предмет Ваших забот»⁹. Более того, Николай II являлся сторонником идеи не только народного представительства, но и конституции. «Из-за того, что государь пытался охранять основы самодержавия, – писал в 1928 г. близкий к царской семье офицер С. В. Марков, внук одного из сподвижников С. Ю. Витте, – совершенно не следует, что он не считался с необходимостью для России конституционных реформ»¹⁰. Конституционная реформа привлекала самое пристальное внимание Николая II еще в 1890-е гг. В 1897 г. он говорил московскому губернскому предводителю дворянства князю П. Н. Трубецкому, что «вопрос о конституции» «ставил себе не раз» и «душой переболел над ним»¹¹. Очевидно, что противник идеи конституции относился бы к этому вопросу более формально.

Интерес Николая II к конституционализму поддерживала его супруга, императрица Александра Федоровна, которая в молодости разделяла либеральные взгляды. В декабре 1894 г. будущий министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф знал про «либеральное влияние» молодой государыни, «весьма склонной к парламентскому режиму, поскольку она полуангличанка»¹². Состоявший при царице с 1896 по 1912 г. граф В. А. Гендриков рассказывал князю М. М. Андроникову, что первоначально у нее были «либеральные», «чисто конституционные взгляды»¹³. Ни один из авторов, писавших о последней царице¹⁴, не обратил никакого внимания на эволюцию политических взглядов Александры Федоровны.

Николай II являлся противником не конституции, а такого понимания этого термина, которое ассоциировалось исключительно с парла-

⁹ Петергофские совещания о проекте Государственной думы / Под ред. В. В. Водозова. Пг., 1917. С. 116.

¹⁰ Марков С. В. Покниутая царская семья. М., 2002. С. 43.

¹¹ Трубецкая О. Н. Из пережитого // Современные записки. 1934. Т. 14. С. 293.

¹² Ламздорф В. Н. Дневник 1894–1896. М., 1991. С. 97.

¹³ Допрос князя М. М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Под ред. П. Е. Щеголева. В 7-ми тт. Л., 1925. Т. 1. С. 396.

¹⁴ Нектария (Маклиз) Свет невечерний. Жизнь Александры Федоровны Романовой, последней всероссийской императрицы. М., 1996; Херси Э. Александра. Трагедия жизни и смерти последней русской царицы. Ростов-на-Дону, 1998; Кинг Г. Императрица Александра Федоровна. Биография. М., 2000.

ментаризмом. Отрицательное отношение к парламентаризму монарх воспринял не только от обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, но и от Н. Х. Бунге, которые, отрицая парламентаризм, ссылались на общеевропейскую тенденцию. «Представительное правительство на партийной основе, – отмечал обер-прокурор, – в своих нынешних формах, каким оно образовалось на Западе, уже потеряло свою притягательную силу»¹⁵. Намекая на отсутствие у идеи народовластия широкой популярности на Западе, Н. Х. Бунге писал, что насчет парламентаризма «мнения в Европе в конце XIX в. изменились коренным образом»¹⁶. Противником парламентаризма являлся друг Николая II князь Э. Э. Ухтомский: в феврале 1900 г. в редактировавшихся князем «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась статья, в которой говорилось «об Англии, что она погибла и что причина тому – парламентаризм. Князь Ухтомский, – подчеркивал А. С. Суворин, – давно это проповедует»¹⁷. Очевидно, что в данном случае князь учитывал политические взгляды не только свои, но и царя.

Неприятие Николаем II парламентаризма проявилось уже в самом начале его царствования. На докладе директора Департамента полиции генерала Н. П. Петрова, который сообщал, что «крайние фракции нашей западно-европейской эмиграции» подготовили проект конституции, подразумевавший немедленное введение парламентаризма, молодой царь написал 3 ноября 1894 г.: «Истинная чепуха»¹⁸. Именно против парламентаризма Николай II выступил в январе 1895 г., назвав «бессмысленными мечтаниями» пожелания земцев-радикалов, содержащиеся, прежде всего, в адресе Тверского земства, об их участии «в делах внутреннего управления»¹⁹. Адрес Тверского земства, свидетельствовал В. И. Гурко, сам являвшийся гласным этого земства, заключал «прямое указание на необходимость введения в стране конституционного образа правления», т. е. парламентаризма²⁰. Тот факт, что проект январской речи Николай II поручил подготовить К. П. Победоносцеву, свидетельствовал не об их единомыслии, а просто о том, что, как вспоминал Н. С. Таганцев, К. П. Победоносцев «пользовался репутацией наиболее

¹⁵ Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия / Публ. *Соловьева Ю. Б.* // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 317.

¹⁶ *Бунге Н. Х.* Указ. соч. С. 235.

¹⁷ *Суворин А. С.* Дневник. М., 2000. С. 364.

¹⁸ *Кантор Р. М.* Штрихи недавнего прошлого // Русское прошлое. 1923. Вып. 1. С. 140.

¹⁹ [Николай II] Полное собрание речей императора Николая II. 1894–1906. СПб., 1906. С. 7.

²⁰ *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 291.

выдающегося официального стилиста»²¹. Нежелание Николая II идти на немедленное создание парламента отнюдь не означало, что он являлся противником идеи народного представительства.

По наблюдениям одного из лидеров оппозиционного движения князя Д. И. Шаховского, «в царской речи нельзя найти ни слова возражения против самых крайних из высказанных в земских адресах и в земских собраниях взглядов. Это до такой степени очевидно, что на другой же день после произнесения ошеломившей большинство публики речи в таком органе, как “Новое время”, было весьма резонно выяснено, что слова царя, в сущности, не противоречат высказанным земствами пожеланиям»²². В марте 1895 г. министр Двора граф И. И. Воронцов-Дашков, несомненно, с ведома Николая II, разрешил напечатать перевод статьи из газеты «Kreuz-Zeitung». В статье говорилось о том, что, «несмотря на речь царя про образ правления, в России рано или поздно образ правления должен перемениться и быть таким, как и во всех других государствах»²³.

В феврале 1896 г., при открытии в Петербурге Совещания губернских предводителей дворянства, близкий к Николаю II киевский предводитель князь Н. В. Репнин высказался за возвращение к «истинному самодержавию» посредством ограничения самовластия бюрократии и расширения выборного начала, предоставив избранным право представительства в законодательных учреждениях. Н. В. Репнин советовал также созвать Съезд представителей земства²⁴. В то же время в июне 1898 г. чиновник МИДа Н. Г. Гартвиг, также явно с ведома Николая II, предложил напечатать перевод статьи из «Journal de Geneve» «против парламентаризма», которую прочитал император²⁵. Почему же, будучи сторонником идеи народного представительства, Николай II не связывал его создание с немедленным введением парламентаризма?

Во-первых, император полагал, что немедленное введение парламентаризма привело бы к распаду России. В 1897 г. министр иностранных дел граф М. Н. Муравьев говорил германскому министру иностранных дел Германии князю Б. фон Бюлову, выражая мысли царя, что «нужны реформы, но чисто парламентская, радикальная система привела бы к анархии и разложению». Сам Николай II заявил германскому министру, что «можно допустить постепенное преобразование земства, но

²¹ Таганцев Н. С. Пержитое. Пг., 1919. С. 38.

²² Шаховской Д. И. Адресы земств 1894–1895 гг. и их политическая программа // Шаховской Д. И. Избранные статьи и письма. 1881–1895. М., 2002. С. 101.

²³ Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 203–204.

²⁴ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в кон. XIX в. Л., 1973. С. 221–222.

²⁵ Суворин А. С. Указ. соч. С. 322.

что действительная парламентская система будет означать гибель России»²⁶. Очевидно, монарх соглашался с идеей «увенчания здания», т. е. создания, в дополнение к земствам, народного представительства, однако без парламентаризма.

Опасность парламентарной системы именно для Российской империи проистекала, по мнению монарха, из ее крайней неоднородности в социальном и особенно национальном отношениях. Беседуя в 1896 г. с американским журналистом Д. М. Шиком, Николай II говорил, что «в России все навыворот, своя политическая экономия и проч. Для конституции Россия еще не готова по той причине, что она еще не объединена, что собранное или переросло, или недоросло»²⁷. В 1897 г. Николай II сказал П. Н. Трубецкому: «Не для меня, конечно, не для меня – для России я признал, что конституция привела бы сейчас страну в такое [же] положение, как Австрию. При малой культурности народа, наших окраинах, еврейском вопросе и т. д. – одно самодержавие может спасти Россию»²⁸.

Важную причину невозможности немедленного введения парламентаризма в его Империи Николай II видел в политической незрелости российского общества. «В противоположность своей обычной манере выражаться, которая, скорее, отличалась изысканностью, – вспоминал Б. фон Бюлов, подразумевая беседу с императором в 1897 г., – он процитировал здесь русскую поговорку: “Посади свинью за стол, она и ноги на стол”»²⁹. Очевидно, что царь подразумевал радикализм оппозиции.

Другой причиной неосуществимости попыток немедленного введения парламентаризма было, по мнению Николая II, враждебное отношение к ним со стороны народных масс, которые, как он искренне верил, настроены более консервативно, чем интеллигенция и сама власть, а потому хотят лишь одного – сохранения неограниченной царской власти. Беседуя с П. Н. Трубецким в 1897 г., Николай II заявил: «Я готов поделиться с народом властью, но я сделать этого не могу, т. к. не сомневаюсь, что ограничение царской власти было бы понято народом как насилие интеллигенции над царем, и тогда народ стер бы с лица земли верхние слои общества»³⁰. По версии сестры П. Н. Трубецкого, Николай II сказал еще определеннее – «мужик конституции не поймет, а поймет только одно, что царю связали руки, тогда – я вас поздравляю,

²⁶ Бюлов. фон Б. Воспоминания. М.; Л., 1935. С. 74, 79.

²⁷ Суворин А. С. Указ. соч. С. 234.

²⁸ Трубецкая О. Н. Указ. соч. С. 293.

²⁹ Бюлов. фон Б. Указ. соч. С. 74, 79.

³⁰ Головин Ф. А. Николай II // Николай II. Воспоминания. Дневники / Сост. Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин. СПб., 1994. С. 95.

господа!»³¹. Несомненно, что именно опасения спровоцировать консервативный народный бунт заставляли Николая II отказываться от публичного употребления слова «конституция» даже тогда, когда она уже была им дана.

В преданности народной массы самодержавию царь отнюдь не разуверился во время революции 1905–1907 гг. В апреле 1906 г. он выразил убеждение, что «80% русского народа будут со мною, окажут мне поддержку»³². Впоследствии, уже после ограничения царской власти Государственной думой, вплоть до 1917 г. голосом народного большинства Николай II считал заявления черносотенных лидеров о необходимости упразднения законодательной Думы и восстановлении неограниченной монархии. Веря в возможность массового народного сопротивления модернизации, в области ритуала Николай II был вынужден играть роль традиционалиста, но на практике он, являя собой консервативного либерала, содействовал постепенному созданию народного представительства. Поэтому образование Государственной думы стало не одномоментным актом, а процессом, растянувшимся на 10 лет.

Первым шагом на пути к народному представительству было повышение авторитета Государственного совета посредством соблюдения принципа разделения властей. С 1895 г. Комитет министров, по наблюдениям чиновника его Канцелярии Н. И. Вуича, «тщательно отклонял от себя дела, подлежащие суждению Государственного совета, передавая на рассмотрение его даже меры временные, если они имели финансовый характер, если ими устанавливались новые законодательные принципы или ослаблялось значение действующих законов»³³. Повышению авторитета Государственного совета способствовало также избегание Николаем II законодательства помимо него или вопреки его большинству. В 1895–1905 гг., вспоминал В. И. Гурко, Николай II «очень редко» утверждал мнение меньшинства Государственного совета, между тем его единогласные решения «царем неизменно утверждались»³⁴. Фактически, вторил В. И. Гурко граф И. И. Толстой, не только «самостоятельные решения» императора помимо Государственного совета, но «даже утверждение государем мнения меньшинства были крайне редки». За 100-летнее существование Государственного совета, подчер-

³¹ Трубецкая О. П. Указ. соч. С. 293.

³² Царскосельские совещания. Протоколы секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов / Под ред. В. В. Водовозова // Былое. 1917. № 4 (26). С. 205.

³³ Вуич Н. И. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Комитет министров в первые восемь лет царствования государя императора Николая Александровича (1894 г. 21 октября–1902 г. 8 сентября). СПб., 1902. С. 3.

³⁴ Гурко В. И. Указ. соч. С. 119.

кивал И. И. Толстой, подобного рода прецеденты проявлялись «в виде совершенно исключительных случаев», а потому «в действительности Государственный совет, по справедливости, мог быть почитаем настоящим и единственным в России законодательным учреждением»³⁵. Таким образом, благодаря сознательной политике Николая II, формально законсовещательный Государственный совет фактически превращался в законодательный орган.

Другим шагом на пути к созданию народного представительства было создание условий, при которых решение этого вопроса властью происходило бы с учетом общественного мнения. В 1898 г. Николай II, по совету главноуправляющего Канцелярией по принятию прошений Д. С. Сипягина, собирался издать особый манифест, призывающий население «писать проекты и направлять их в Канцелярию»³⁶. Кроме того, Д. С. Сипягин рекомендовал преобразовать Канцелярию в верховный контролирующий орган, подчиняющийся только монарху. По ходатайству любого подданного реформированная Канцелярия могла бы пересматривать незаконные решения всех высших и центральных учреждений³⁷. Все эти проекты воплощения не получили, поскольку инициатива Николая II натолкнулась на сопротивление его министров, которых, особенно С. Ю. Витте, вполне устраивала абсолютная монархия – при ней они общались с императором один на один, не обращая внимания на общественное мнение и чей-либо контроль.

В 1898–1899 гг., в целях преодоления чиновничьего средостения, Николай II и либеральный общественный деятель А. А. Клопов обсуждали возможность образования «особого, независимого Комитета при императоре» и планировали создать «небольшой кружок из постоянных сотрудников и местных деятелей»³⁸. Подобный кружок представлял бы собой народное представительство в зародыше, став еще одной предпосылкой для его создания. Неудивительно, что друг Александра III, историк граф С. Д. Шереметев, отметив, что «мы вступаем на путь новый, хотя играем комедию, будто держимся старого», вопрошал 2 апреля 1898 г.: «Как все это мирится с первоначальными словами царствования? Да так же, как слова Александра I о Екатерине отвечали действитель-

³⁵ Толстой И. И. Мемуары. М., 2002. С. 234.

³⁶ Клячко (Львов) Л. М. Звездная палата // Минувшие дни. 1928. № 3. С. 14.

³⁷ Подробн. об этом см.: Ремнев А. В. Проблема объединенного правительства накануне Первой российской революции // Новое о революции 1905–1907 гг. в России. Л., 1989. С. 92.

³⁸ А. А. Клопов – Николаю II. 30 июля 1899 г. // Тайный советник императора / Публ. В. М. Крылова и др. СПб., 2002. С. 42. О А. А. Клопове см.: Лукоянов И. В. Тайный корреспондент Николая II А. А. Клопов // Из глубины времен. 1996. Вып. 6.

ности!»³⁹. Известно, что Александр I, вступив на престол, официально заявил о своей верности заветам «любезной бабки», а в тайне – готовил реформы, противоречившие этим заветам. Николай II, официально выставляя себя продолжателем политики отца, в действительности продолжал политику деда и уже в 1900 г., когда министром внутренних дел был Д. С. Сипягин, непосредственно приступил к подготовке созыва народного представительства.

В начале 1900 г. Николай II обратился к другому другу Александра III, художнику П. В. Жуковскому: «Мне, – сказал император сыну известного поэта, – с разных сторон заявляют о неблагополучии России и о настоятельности приступить к коренным реформам. Россия будто бы переживает кризис. Между тем министры утверждают противное. Мне хочется знать правду и помочь, – но чем?». П. В. Жуковский попросил своего знакомого, товарища министра финансов В. И. Ковалевского, типичного либерального бюрократа, составить записку с обоснованием соответствующих реформ, текст которой одобрил славянофил генерал А. А. Киреев. В записке рекомендовалось издать Указ императора Сенату «о призыве избранных... для обсуждения теперешних условий жизни и средств устранить их... без предварительного обсуждения с министрами, т. к. с их стороны будут представлены “соображения” об опасных последствиях такого созыва». «Совещание депутатов под председательством самого государя, – говорилось в записке, – сможет не только выяснить теперешнее положение и причины его, но и наметить меры к коренному изменению». На следующий день П. В. Жуковский представил записку Николаю II, на которого она произвела «сильное впечатление», хотя форму записки он нашел «несколько странной». С содержанием записки царь ознакомил Александру Федоровну, очевидно, согласившуюся с ее содержанием, поскольку императрица пригласила П. В. Жуковского к завтраку. Через пять дней Николай II поручил составить Указ Сенату «о созыве представителей земств, больших городов, Академии наук, университетов и биржевых комитетов для обсуждения современного политического и экономического положения в России». Однако через три дня П. В. Жуковский получил распоряжение от императора «пока подождать»⁴⁰. Очевидно, министры снова не поддержали инициативы царя.

В 1904 г., подразумевая совещание министров с участием Д. С. Сипягина, рассматривавшее «дело о представительстве», Николай II

³⁹ Шереметев С. Д. Отрывки из «Дневников» // Шереметевы в судьбе России. Воспоминания. Дневники. Письма. М., 2001. С. 216.

⁴⁰ Ковалевский В. И. Воспоминания / Публ. Л. Е. Шелелева // Русское прошлое. 1991. Вып. 2. С. 87, 91, 92.

сообщил министру внутренних дел князю П. Д. Святополк-Мирскому: «Что же, совещание я раз собирал, никто меня не поддержал, кроме Дмитрия Сергеевича»⁴¹. Хотя Указ Сенату составлялся тайно слухи о его содержании дошли до Москвы. А. С. Суворин записал 9 апреля 1900 г.: «Государь в Москве. Чего только ни ждали! Даже Земского собора»⁴². Данная инициатива Николая II осталась без ближайших последствий также потому, что внимание царя было переориентировано с внутренней политики на внешнюю – в мае 1900 г. в Китае произошла очередная вспышка «боксерского восстания», на несколько лет приковавшего внимание к Поднебесной империи не только России, но и других великих держав.

Именно обострения внешней политики, прежде всего – две войны, русско-японская и Первая мировая, а не враждебность Николая II идее народного представительства, объективно тормозили ее постепенное осуществление, сам император сознательно не использовал внешнеполитические кризисы как предлог для откладывания реформ. Действительно, уже в начале 1901 г. Николай II сделал еще один шаг по пути к народному представительству, согласившись на допущение выборных представителей населения к участию в деятельности Государственного совета. В феврале 1901 г., с одобрения царя, в Учреждение Государственного совета была внесена специальная статья «об образовании в Совете особых совещаний и подготовительных комиссий для разработки законодательных предположений»⁴³. Добавление подобной статьи стало воплощением идей, которые содержали «конституция» М. Т. Лорис-Меликова и завещание Н. Х. Бунге.

Первым прецедентом применения новой статьи, сопровождавшегося массовым участием общественных деятелей в заседаниях Государственного совета, было обсуждение в 1902 г. Положения о портовых сборах. Это событие, по воспоминаниям В. И. Гурко, «вызвало немало толков и обсуждалось как явление чрезвычайное»⁴⁴. В конце 1901–начале 1902 г., т. е. еще при Д. С. Сипягине, появился проект реформы Комитета министров, которая подразумевала соединение Комитета с Государственным советом⁴⁵. Очевидно, в данном случае имелось в виду установление той или иной степени ответственности министров перед законосовещательным учреждением.

⁴¹ *Святополк-Мирская Е. А.* Дневник // Исторические записки. 1966. Т. 77. С. 252.

⁴² *Суворин А. С.* Указ. соч. С. 384.

⁴³ *Половцов А. А.* Дневник // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 81.

⁴⁴ *Гурко В. И.* Указ. соч. С. 42.

⁴⁵ Подробнее о проекте см.: *Ремнев А. В.* Указ. соч. С. 94–95.

В 1902–1904 гг. план создания народного представительства Николай II обсуждал с министром внутренних дел В. К. Плеве. В апреле 1902 г., при вступлении В. К. Плеве на пост министра, его первой мыслью, подчеркивал В. И. Гурко, «было ввести в состав Государственного совета представителей высших слоев общественности», т. е. мысль «об установлении в России, хотя бы в зачаточной форме, конституционного правления»⁴⁶. Однако, наряду с введением выборных представителей населения в Государственный совет, Николай II и В. К. Плеве планировали и образование особого выборного органа под названием «Государственная дума». Характеризуя план реформ, разработанный по повелению Николая II В. К. Плеве, монарх сообщил князю генералу В. Н. Орлову в 1905 г., что «Государственная дума была им предусмотрена»⁴⁷. Фактически именно согласно этому проекту и произошло создание в 1906 г. двухпалатного народного представительства (Государственный совет, состоящий из назначенных и выборных членов, и Государственная дума). Осенью 1902 г., сообщил в 1905 г. бывший военный министр генерал А. Н. Куропаткин генералу Н. П. Линевицу, «вопрос о Думе» возбуждался в Комитете министров, который составил соответствующий проект. На следующее заседание Комитета, посвященное обсуждению этого проекта, Николай II принес «свою записку со своим проектом»⁴⁸. Параллельно, в 1902–1903 гг., аргументацию в пользу народного представительства Николай II черпал из записок либерального публициста Н. А. Демчинского.

Н. А. Демчинский ассоциировал Государственную думу с «Центральным земским органом», своего рода Земским собором. В записке царю от 5 января 1903 г. Н. А. Демчинский писал: «Единение монарха с народом есть единственный верный шаг к спасению России, а совершиться он может только при широком развитии Общественной организации», т. е. земства. Публицист предлагал объединить четыре-пять губернских земств в областные земства и создать в Москве «Центральный земский орган» или «Центральное земское управление», в которое каждое областное земство посылало бы по 2–3 представителя. Центральное земское управление должно было избирать из своей среды одного представителя в Комитет министров и двух – в Государственный совет⁴⁹.

⁴⁶ Гурко В. И. Указ. соч. С. 148.

⁴⁷ Орлов В. И. Из дневника / Публ. П. Е. Щеголева // Былое. 1918. № 14. С. 57.

⁴⁸ Лиевич Н. П. Дневник // Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Лиевича / Под ред. М. Н. Покровского. Л., 1925. С. 112.

⁴⁹ Политические проекты Н. А. Демчинского / Публ. В. М. Боковой // Российский архив. 2005. Т. ММIV. С. 626, 629, 630, 631. См. также: Лукоянов И. В. Политическое маклерство в России в нач. XX в.: П. А. Демчинский // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. Мат. Всеросс. науч. конф. 6–7 декабря 2006 г. СПб., 2007.

Николай II остался «чрезвычайно доволен» докладом Н. А. Демчинского и «в самых лестных выражениях выразил ему благодарность»⁵⁰. Однако вскоре отношение царя к публицисту изменилось.

Н. А. Демчинский злоупотребил доверием императора, издав в одной брошюре записки от 2 июля 1902 и 5 января 1903 г.⁵¹. В ответ, 14 марта 1903 г., Николай II написал на оправдательном письме своего незадачливого корреспондента следующую резолюцию: «Объявите Демчинскому, что я весьма недоволен тем обстоятельством, что он себе позволил распространять по городу его письмо ко мне “о проекте Земского собора”»⁵². Как уже отмечалось выше, Николай II, в силу ряда причин, играл роль консерватора, поступок же Н. А. Демчинского разоблачал в императоре либерала. Именно этим, а не враждебностью идеям публициста, и была вызвана царская резолюция.

Когда общественный деятель соблюдал корректность, Николай II отвечал ему благосклонностью. Так, конституционалист князь Г. М. Волконский в октябре 1903 г. специально приехал в Дармштадт, чтобы передать находившемуся там императору записку «о политических реформах для России», главной из которых он считал созыв Земского собора. «Записка была передана, – вспоминал брат Г. М. Волконского, – и он получил на другой день письмо от адъютанта графа Гейдена, в котором тот по поручению государя уведомлял его об этом»⁵³. Реакция царя на рецепты Н. А. Демчинского объяснялась еще и тем, что они противоречили ритуальной ссылке на преемственность между правлениями Александра III и Николая II, открывавшей Манифест 26 февраля 1903 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка».

В подготовке Манифеста, содержавшего программу либеральных реформ, участвовали В. П. Мещерский и В. К. Плеве, а также В. И. Гурко и Д. Н. Любимов. Участие В. П. Мещерского, призванного, в данном случае, прежде всего в качестве стилиста, обладающего «карамзинским слогом» (князь был внуком историографа), не означало того, что Манифест подразумевал осуществление консервативного курса. Летом 1903 г. А. С. Суворин узнал, что при участии В. П. Мещерского «готовятся либеральные реформы, свобода печати, вероисповеданий, патриархат»⁵⁴.

В Манифесте Николай II, привлекая общество к решению государственных вопросов, повелевал материалы по крестьянской реформе МВД и Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промы-

⁵⁰ Николай II и самодержавие в 1903 г. // Былос. 1918. № 2. С. 214.

⁵¹ Демчинский Н. А. Два письма государю императору. [СПб., 1903.] 32 с.

⁵² Политические проекты Н. А. Демчинского. С. 631–632.

⁵³ Волконский С. М. Мои воспоминания. В 2-х тт. М., 1992. Т. 1. С. 346.

⁵⁴ Суворин А. С. Указ. соч. С. 465.

шленности «передать на места для дальнейшей их разработки и согласования с местными особенностями в губернских совещаниях при ближайшем участии достойнейших деятелей, доверием общественным облеченных»⁵⁵. Выдержанный в традиционалистском духе велеречивый стиль Манифеста облекал собой недвусмысленный намек Николая II на его стремление к созданию народного представительства в виде Государственной думы.

Действительно, в Манифесте 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы», напомнив, что в Манифесте 26 февраля 1903 г. он призвал «к тесному единению всех верных сынов Отечества для усовершенствования государственного порядка», Николай II признал: «И тогда озабочивала Нас мысль о согласовании выборных общественных учреждений с правительственными властями и об искоренении разлада между ними, столь пагубно отражающегося на правильном течении государственной жизни. О сем не переставали мыслить самодержавные цари, Наши предшественники. Ныне настало время, следуя благим начинаниям их, призвать выборных людей от всей земли Русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов»⁵⁶. Таким образом, создание народного представительства Николай II напрямую связывал с решением проблемы отношений между властью и земством посредством увенчания последнего высшим выборным органом – Государственной думой. В. К. Плеве погиб, не успев принять участия в ее учреждении, создав, однако, в 1904 г. зародыш Думы – Совет по делам местного хозяйства при МВД, который состоял из выборных представителей населения. В Совете, отмечал один из разработчиков этой реформы, С. Е. Крыжановский, «сквозит мысль создания народного представительства»⁵⁷.

Преемник В. К. Плеве, князь П. Д. Святополк-Мирский, начал с того же, с чего начал его предшественник. Намеченное князем введе-

⁵⁵ Манифест 26 февраля 1903 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» // *Савич Г. Г.* Новый государственный строй России. Справочная книга. СПб., 1907. С. 3–4. Подробнее об истории этого Манифеста см.: *Соловьев Ю. Б.* К истории происхождения Манифеста 26 февраля 1903 г. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. 1979. Т. 11; *Ананьич Б. В.* О тексте Манифеста 26 февраля 1903 г. (Из архива В. П. Мещерского) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. 1983. Т. 15.

⁵⁶ Манифест 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы» // *Савич Г. Г.* Указ. соч. С. 22.

⁵⁷ Допрос С. Е. Крыжановского. 10 июля 1917 г. // *Падение царского режима*. Т. 5. М.; Л., 1926. С. 387. О внутренней политике В. К. Плеве см.: *Ананьич Б. В.* Российское самодержавие накануне революции. Внутриполитический курс В. К. Плеве // *Власть и реформы. От самодержавной к советской России*. СПб., 1996; *Judg E. N. Plehve. Syracuse (N. -Y.)*, 1983.

ние в Государственный совет выборных представителей общественности «совпадало, – по наблюдениям В. И. Гурко, – с первоначальными предположениями» В. К. Плеве⁵⁸. В докладе Николаю II от 24 ноября 1904 г. П. Д. Святополк-Мирский высказался за «участие представителей населения при обсуждении дела в самом составе Государственного совета»⁵⁹. Планы П. Д. Святополк-Мирского полностью совпадали с планами Николая II.

В сентябре 1904 г., по поводу адреса Калужского губернского земства царю, в котором выражалась надежда, что «настанет день, когда Вашему величеству угодно будет призвать к государственной работе выборных представителей земли», Николай II сказал, что он «сердечно написан»⁶⁰. Позднее, в феврале 1905 г., император публично объявил, что высказанная в подобном рода обращениях «готовность, по зову моему, придти содействовать успешному осуществлению возвещенных мною преобразований, всецело отвечает душевному моему желанию: совместною работою правительства и зрелых сил общественных достигнуть осуществления моих предначертаний, ко благу народа направленных»⁶¹. Когда 14 ноября 1904 г. П. Д. Святополк-Мирский передал Николаю II записку консервативно-либерального мыслителя К. Ф. Головина «о выборных в Государственный совет», император заметил, что «это очень интересно» и «вообще к идее о выборных очень снисходительно отнесся»⁶².

Неудивительно, что, прочитав всеподданнейший доклад П. Д. Святополк-Мирского от 24 ноября, Николай II «выразил намерение немедленно подписать указ обо всех проектированных Святополк-Мирским “вольностях” и народном представительстве»⁶³. Министр внутренних дел настоял однако на предварительном обсуждении Указа в Особом совещании под председательством императора. Между тем, 28 ноября А. В. Богданович узнала, что Николай II собирается «дать конституцию, вроде финляндской», оставив за собой «распоряжения насчет войска и финансы»⁶⁴. Следовательно, в это время царь шел дальше П. Д. Свято-

⁵⁸ Гурко В. И. Указ. соч. С. 360.

⁵⁹ Всеподданнейший доклад министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского (24 ноября 1904 г.) / Публ. В. Л. Степанова // Река времен. 1996. Кн. 5. С. 254, 254–255.

⁶⁰ Обнинский В. П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992. С. 99.

⁶¹ Высочайший рескрипт 18 февраля 1905 г. на имя бывшего министра внутренних дел А. Г. Булыгина // Савич Г. Г. Указ. соч. С. 13.

⁶² Святополк-Мирская Е. А. Указ. соч. С. 254.

⁶³ Лопухин А. А. Орывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» графа С. Ю. Витге). М.; Л., 1923. С. 46–47.

⁶⁴ Богданович А. В. Указ. соч. С. 316.

полк-Мирского, поскольку, как и ранее, при В. К. Плеве, планировал не просто привлечение выборных в Государственный совет, но и создание в дополнение к нему особого высшего выборного органа, наподобие финляндского Сейма.

Более того, по сведениям оппозиционера И. В. Гессена, именно осенью 1904 г. главноуправляющий Канцелярией по принятию прошений барон А. А. Будберг явно по повелению Николая II намеревался подготовить проект Манифеста, в котором «высказано было бы намерение созвать народных представителей». А. А. Будберг «имел в виду представить такой проект государю для опубликования на Пасхе»⁶⁵, т. е. 17 апреля 1905 г. В апреле этого года А. А. Будберг представил Николаю II составленный В. И. Ковалевским проект Манифеста, который провозглашал ускорение созыва народного представительства, сформированного на основе всеобщего избирательного права и имеющего законодательный характер, а также расширение крестьянского землевладения, свободу печати и собраний, неприкосновенность личности и политическую амнистию⁶⁶. Идеи этого проекта позднее легли в основу Манифеста 17 октября 1905 г.

Осенью 1904 г. сторонницей конституции была и Александра Федоровна. Сенатор граф А. А. Бобринский записал 18 октября 1904 г., что царица «стоит за конституцию»⁶⁷. Графу вторил А. С. Суворин, который 16 ноября отметил, что Александра Федоровна «стоит за собрание Государственной думы»⁶⁸. Конституционализм императрицы имел умеренный характер. Беседуя 22 ноября с П. Д. Святополк-Мирским о необходимости создания народного представительства, Александра Федоровна заявила, что это «надо делать постепенно»⁶⁹. Тем не менее, приверженность императрицы конституции была бесспорной. А. А. Бобринский записал даже 27 ноября, что Александра Федоровна «стоит теперь во главе конституционной партии»⁷⁰. В тот же день член Государственного совета граф С. А. Толь сообщил А. В. Богданович, что «молодая царица уговаривает царя дать конституцию, чтобы обеспечить этим наследнику царство»⁷¹. В такой обстановке Указ 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного

⁶⁵ Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. 1937. Т. 22. С. 178.

⁶⁶ Из архива С. Ю. Витте // Красный архив. 1925. Т. 4–5. С. 108–115.

⁶⁷ Бобринский А. А. Дневник // Красный архив. 1928. Т. 26. С. 129.

⁶⁸ Суворин А. С. Указ. соч. С. 477.

⁶⁹ Святополк-Мирская Е. А. Указ. соч. С. 259.

⁷⁰ Бобринский А. А. Указ. соч. С. 129.

⁷¹ Богданович А. В. Указ. соч. С. 314.

порядка»⁷², проект которого содержал, помимо программы либеральных реформ, пункт о создании народного представительства, выражал представления не столько оппозиции, сколько царской четы и либеральной бюрократии.

К заседанию 8 декабря 1904 г. Особого совещания, обсуждавшего проект Указа, пункт о выборных был изложен в двух редакциях – председателя Комитета министров С. Ю. Витте, более узкой, и председателя Департамента государственной экономии Государственного совета графа Д. М. Сольского, более широкой. После заседания 8 декабря третий пункт приобрел компромиссный характер, поскольку в нем император повелевал «установить способы привлечения местных общественных учреждений и выбранных ими из своей среды лиц к участию в разработке законодательных предначертаний наших до рассмотрения их Государственным советом»⁷³. Итак, речь шла о создании, в дополнение к Государственному совету, особого высшего выборного органа, в чем нельзя не видеть влияния Николая II, рассматривавшего вопрос об этом начиная с 1900 г.

Кажется парадоксальным, что при подписании Указа 12 декабря 1904 г. Николай II, внимая советам С. Ю. Витте и вел. кн. Сергея Александровича, вычеркнул пункт о народном представительстве. С. Ю. Витте объяснял поступок императора его нежеланием идти на создание представительного органа. Однако самодержец являлся противником не представительства, а парламента. Подразумевая именно парламентаризм, Николай II и заявил С. Ю. Витте и дяде, вычеркивая пункт о представительстве: «Я никогда, ни в каком случае не соглашусь на представительный образ правления, ибо я его считаю вредным для вверенного мне Богом народа»⁷⁴. Виновником затягивания созыва народного представительства был не Николай II, а сам С. Ю. Витте. Для хорошо осведомленного Вильгельма II не составляло секрета, что реформам, которые «предполагались самим государем», писал он 6 февраля 1905 г. вдовствующей императрице Марии Федоровне, «к несчастью, воспротивился Витте»⁷⁵.

Вычеркивание царем пункта о представительстве неправильно трактовать как усиление влияния Сергея Александровича, поскольку в декабре 1904 г. он появился в Петербурге, чтобы подать в отставку, которую

⁷² Указ 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» // *Савич Г. Г.* Указ. соч. С. 6–8.

⁷³ *Галелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 33, 35, 36.

⁷⁴ Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. С. 663.

⁷⁵ Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 г. // Красный архив. 1925. Т. 9. С. 65.

Николай II немедленно принял. Когда 18 января 1905 г. А. А. Клопов пожаловался монарху, что Сергей Александрович «всегда дает дурные советы», царь ответил: «Я теперь с ним совсем покончил»⁷⁶. Решение Николая II создать народное представительство было бесповоротным, однако вначале он хотел пойти на это по окончании русско-японской войны. А. В. Богданович узнала 16 октября 1904 г., что «конституция» «будет обнародована после войны»⁷⁷. Как представляется, именно данное обстоятельство, а не царский консерватизм, и привело к вычеркиванию пресловутого пункта, однако под влиянием последовавшего вскоре обострения внутриполитической ситуации монарх отказался от своего первоначального плана и пошел на создание народного представительства еще до конца войны.

Беседуя 17 января 1905 г. с министром земледелия А. С. Ермоловым, Николай II согласился с необходимостью созыва народных представителей и в связи с этим образовал, под председательством С. Ю. Витте, Совещание министров и председателей департаментов Государственного совета. Начавшему свою работу 18 января Совещанию царь поручил рассмотрение адресов дворянских и земских собраний «о призыве представителей населения» и двух вопросов: об образовании особой комиссии «для проектирования того способа, коим могло бы осуществиться, когда то будет государем признано благовременным, призвание выборных представителей всех классов населения», и о «способах и формах участия представителей населения в обсуждении важнейших законодательных мер и намеченных высочайшею волею государственных реформ». Образование Совещания объяснялось тем, что, как доверительно сообщила Александра Федоровна А. А. Бобринскому 28 января, ее супруг «решился объявить о предстоящем созыве» народных представителей. Во время встречи с А. С. Ермоловым, состоявшейся 31 января, Николай II благосклонно воспринял аргументацию министра в пользу немедленного учреждения представительного органа в виде «Земской думы»⁷⁸. Свое решение создать народное представительство царь объявил 18 февраля 1905 г., когда появился Рескрипт Николая II министру внутренних дел А. Г. Булыгину и Манифест «О призыве властей и населения к содействию самодержавной власти в одолении врага внешнего, в искоренении крамолы и в противодействии смуте внутренней».

⁷⁶ *Святополк-Мирская Е. А.* Указ. соч. С. 284.

⁷⁷ *Богданович А. В.* Указ. соч. С. 297.

⁷⁸ *Ермолов А. С.* Записки // Красный архив. 1925. Т. 8; *Бобринский А. А.* Указ. соч. С. 129. См. также: *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 71, 85, 94, 98

Рескрипт объявлял о готовности царя создать законосовещательное выборное учреждение для разработки и обсуждения «законодательных предположений»⁷⁹. Манифест призывал «благомыслящих людей» сосдиниться вокруг престола «в разумном противодействии смуте внутренней», необходимом «для успешного осуществления предначертаний наших, направленных к... усовершенствованию государственного порядка», и говорил об укреплении «истинного самодержавия на благо всем нашим верным подданным»⁸⁰. Объясняя причины, подвигнувшие его на подписание Рескрипта и Манифеста 18 февраля 1905 г., Николай II, пером А. Г. Елчанинова, писал: «За истекшие почти полвека, со времени освобождения крестьян, народ русский стал понемногу образовываться и навекать в делах общественных и государственных. Стало возможным воскресить во всем объеме обычай первых царей Дома Романовых давать самому народу, через его представителей, разбираться в государственных делах и вникать в нужды государства. Вот почему государь решил призвать представителей народа к государеву делу, о чем и известил Россию Манифестом и Рескриптом от 18 февраля 1905 г.»⁸¹. Традиционалистская риторика не могла скрыть модернистского характера царского решения.

Рескрипт 18 февраля 1905 г., инициировав создание народного представительства, был этапом более длительного процесса подготовки его создания, официально начавшегося в 1903 г., неофициально – в 1900, а по большому счету – в 1895 г. Во всяком случае, на заседании Совета министров 3 февраля 1905 г., обсуждавшего проект Рескрипта, сам Николай II расценил его как «продолжение двух актов» – Манифеста 26 февраля 1903 г. и Указа 12 декабря 1904 г., т. е. установил непосредственное преемство между ними. «Суть» всех трех актов, по мнению царя, состояла «в привлечении» населения к политической деятельности⁸². Преемство с намного более ранними проектами связывал и Указ 18 февраля, повелевавший Совету министров рассматривать исходящие от частных лиц и учреждений «виды и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного бла-

⁷⁹ Высочайший рескрипт 18 февраля 1905 г. на имя бывшего министра внутренних дел А. Г. Булыгина // *Савич Г. Г.* Указ. соч. С. 13.

⁸⁰ Манифест 18 февраля 1905 г. «О призыве властей и населения к содействию самодержавной власти в одолении врага внешнего, в искоренении крамолы и в противодействии смуте внутренней» // *Савич Г. Г.* Указ. соч. С. 12.

⁸¹ *Елчанинов А. Г.* Указ. соч. С. 117.

⁸² *Ганелин Р. Ш.* Заседания Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э. Ю. Нольде // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 297.

гоустройства»⁸³. Указ реанимировал идею царя, поддержанную еще в 1898 г. Д. С. Сипягиным⁸⁴.

Очевидно, также, что Рескрипт, Манифест и Указ 18 февраля 1905 г., вопреки утверждению С. Ю. Витте, не противоречили, а взаимно дополняли друг друга⁸⁵. Возлагая на создание народного представительства серьезные надежды, Николай II записал 18 февраля: «Дай Бог, чтобы эта важная мера принесла России пользу и преуспевание»⁸⁶. Таким образом, Рескрипт являлся для царя не тактическим ходом, а фундаментальным актом.

Создавая народное представительство, Николай II, однако, не собирался способствовать установлению парламентаризма. На заседании Совета министров 3 февраля 1905 г. он выступил против насаждения в России «чуждых нам конституционных и парламентарных форм»⁸⁷. Народное представительство, по мысли царя, должно было функционировать не как парламент, а как орган дуалистической системы. Полным единомышленником Николая II являлся Вильгельм II, находившийся во главе классической дуалистической монархии. Германский император выступил за то, чтобы «исполнительная власть» находилась бы «в руках самодержавного царя, а не в руках руководящего министра с целым штатом беспомощных сотоварищей»⁸⁸. Примечательно, что в данном случае союзником Николая II был (уже к тому времени покойный) апостол консервативного либерализма Б. Н. Чичерин. Он отмечал в работе, написанной в 1904 г. и ставшей его завещанием: «Если бы дело шло о замене неограниченной монархии парламентским правлением, то, конечно, об этом при настоящих условиях не может быть речи. Парламентское правление требует политической опытности, образования, сложившихся партий. Всего этого у нас нет»⁸⁹. Очевидно, что по вопросу о создании народного представительства Николай II занимал консервативно-либеральную позицию.

⁸³ Указ 18 февраля 1905 г. // *Савич Г. Г.* Указ. соч. С. 12.

⁸⁴ *Клячко (Львов) Л. М.* Указ. соч. С. 14.

⁸⁵ Об истории актов 18 февраля 1905 г. см.: *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 85–121. См., также: *Ascher A.* The Revolution of 1905. Vol. 1–2. Stanford, 1988–1992; *Verner A. M.* The Crisis of Russian Autocracy: Nicholas II and the 1905 Revolution. Princeton, 1990.

⁸⁶ Николай II. Дневники. М., 1991. С. 251.

⁸⁷ *Ганелин Р. Ш.* Заседания Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э. Ю. Нольде // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 297.

⁸⁸ Вильгельм II – Николаю II. 6 февраля 1905 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914 гг. / Под ред. *М. Н. Покровского*. М.; Пг., 1923. С. 91.

⁸⁹ *Чичерин Б. И.* Россия накануне двадцатого столетия // *Чичерин Б. И.* Философия права. СПб., 1998. С. 611.

Будучи центристом, император игнорировал рекомендации ортодоксальных консерваторов и ортодоксальных либералов. «Назойливые писания» газет «о Земском соборе и Учредительном собрании», писал Николай II А. Г. Булыгину в мае 1905 г., «совершенно искажают» смысл предначертаний, возвещенных 18 февраля⁹⁰. Единомышленницей царя была Александра Федоровна: А. А. Бобринский записал 1 мая 1905 г., что в Царском Селе «дамы» «громко желают конституции»⁹¹. Постепенно создавая конституционную монархию, Николай II сознательно сохранял инициативу в этом вопросе за собой. Во время состоявшейся 6 июня 1905 г. встречи царя с лидерами оппозиции Николай II заявил: «Моя воля, воля царская – созывать выборных от народа – непреклонна. Привлечение их к работе государственной будет выполнено правильно. Я каждый день слежу и стою за этим делом». Николай II заявил о преемственности между земскими соборами и будущим народным представительством. «Пусть установится, как было встарь, единение между царем и всею Русью, общение между мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам»⁹². Сочетая традиционалистскую форму и модернистское содержание, Николай II преследовал вполне определенную цель – постепенную замену абсолютизма дуализмом, а не парламентаризмом.

А. Г. Булыгин и Совет министров, руководившие составлением проекта законосовещательной («булыгинской») Государственной думы, принимали во внимание дуалистические пристрастия Николай II. Авторы проекта пытались предотвратить «необоснованное вторжение Думы в область министерского управления, с нарушением спокойного и безостановочного течения дел исполнительной власти». Ими выражались азы дуализма, при котором «назначение и увольнение министров от должностей и впредь должно иметь место по непосредственному высочайшему изволению». А. Г. Булыгину и министрам представлялось, что «верховный надзор за целесообразностью действий администрации принадлежит одному государю императору», Дума же «в этом деле не должна иметь участия»⁹³. При обсуждении проекта в июле 1905 г. под председательством Николая II особо подчеркивалось, что его со-

⁹⁰ Письма императора Николая II министру внутренних дел А. Г. Булыгину. 1905 г. / Публ. Б. Т. Мордвицева // Российский архив. 1991. Т. I. С. 188.

⁹¹ Бобринский А. А. Указ. соч. С. 129.

⁹² [Николай II] Полное собрание речей. С. 57–58.

⁹³ Соображения министра внутренних дел о порядке осуществления высочайших его императорского величества предубаждений, возвещенных в Рескрипте от 18 февраля 1905 г.; Мемория Совета министров по делу о порядке осуществления высочайших предубаждений, возвещенных в Рескрипте 18 февраля 1905 г. // Материалы по учреждению Государственной думы. 1905 г. СПб., 1905. Вып. 1. С. 24, 24–25, 119, 120–121.

ставители «стремились лишь к тому, чтобы обеспечить законность действий администрации, неизменно остающейся в единственном подчинении, под руководством верховной власти»⁹⁴. Таким образом, заранее отрицалась возможность превращения законосовещательной Думы в парламент.

Намерение Николая II ввести именно дуалистическую систему, которая базируется на принципе разделения властей, доказывается тем, что 6 июня 1905 г. царь утвердил мнение Государственного совета «Об устранении отступлений в порядке издания законов»⁹⁵. Оно установило обязательное прохождение законов через Государственный совет и тем самым формальное различие между законами и указами. Более того, мнение фактически ограничило монарха в законодательстве, т. е. создало главную предпосылку дуалистической системы. В июле 1905 г., во время обсуждения проекта законосовещательной Думы, Н. С. Таганцев заявил, подразумеваемая Мнением новый порядок «относительно издания законов»: «Верховная власть ограничила себя, не допуская представления их на утверждение иначе, как через посредство Государственного совета»⁹⁶. Новое ограничение царской власти в законодательстве установили Манифест 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы» и Положение о ней.

В Манифесте говорилось, что «избранные доверием всего населения люди» призываются «к совместной законодательной работе с правительством»⁹⁷. Ограничение состояло в разрешении законосовещательной Думе возвращать министрам законопроекты, не одобренные большинством нижней палаты. В июле 1905 г., при обсуждении проекта Думы, Н. С. Таганцев заметил, что «установление обсуждаемого правила составит только развитие» «начала» ограничения самодержавия. Товарищ министра внутренних дел генерал Д. Ф. Трепов согласился, что «предположение о возвращении министрам отклоненных предположений, несомненно, составляет ограничение самодержавия». Главнo-управляющий землеустройством и земледелием П. Х. Шванебах также

⁹⁴ Петергофские совещания о проекте Государственной думы // Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования. М., 1917. С. 135.

⁹⁵ Высочайше утвержденное 6 июня 1905 г. Мнение Государственного совета «Об устранении отступлений в порядке издания законов» // *Савич Г. Г.* Указ. соч. С. 15–18.

⁹⁶ Петергофские совещания о проекте Государственной думы. // Николай II. Материалы для характеристики. С. 171. Об истории этого акта см.: *Ремнев А. В.* Проблема «указа и закона» в пореформенной России // *Вспомогательные исторические дисциплины.* 1987. Т. 18.

⁹⁷ Манифест 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы» // *Савич Г. Г.* Указ. соч. С. 21–22. О создании «булыгинской Думы» см.: *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 122–191.

заявил императору, что принятие соответствующего правила «будет ограничением самодержавных ваших прав»⁹⁸. Очевидно, что, ограничивая царя в законодательстве, Манифест 6 августа означал фактическое введение дуалистической системы германского типа.

Соответствие «булыгинской» Думы германской модели признал Вильгельм II, отметивший, что «статуты» Думы «должны в главных чертах уподобить ее нашему “Staatsrat”у»⁹⁹. Если де-факто «булыгинская Дума» соответствовала германской модели, то де-юре, не ограничивая власти царя формально, она соответствовала английской модели. В Англии король царствовал, но не правил согласно прецедентам, а не закону. Конечно, каких-либо ссылок на западно-европейскую практику Манифест 6 августа не содержал, однако соответствие этой практике законосовещательной Думы признавали и Николай II, и министры. На Особом журнале Совета министров 4 августа 1906 г., утверждавшем, что Манифестом 6 августа «русская жизнь восприняла характерные черты западно-европейского общественного строя», царь написал 24 августа: «Вполне одобряю»¹⁰⁰.

Устанавливая дуалистическую систему, Николай II действовал, учитывая не требования оппозиционеров и революционеров, а собственные консервативно-либеральные взгляды. Мнение о том, что создание Думы – «признак боязни и уступки только перед лицом опасности», полагал В. О. Ключевский в июле 1905 г., «едва ли соответствует действительности»¹⁰¹. В соответствии со своими взглядами, в Думе Николай II видел не временную уступку обществу, а средство дальнейшего реформирования России. Царь надеялся, что «лояльность и рассудительность» народа, писал он германскому императору, «будут значительно способствовать развитию России с помощью этого совещательного органа»¹⁰². Впрочем, Манифест 6 августа, знаменуя фактическое введение дуалистической системы, не закрывал, однако, путей для ее формального установления, т. е. для превращения законосовещательной Думы в законодательную. В этом Манифесте Николай II прямо объявил, что сохра-

⁹⁸ Петергофские совещания о проекте Государственной думы // Николай II. Материалы для характеристики. С. 171, 173.

⁹⁹ Вильгельм II – Николаю II. 7 августа 1905 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 110.

¹⁰⁰ Особый журнал Совета министров 4 августа 1906 г. «Об ограничении должностных лиц и служащих в государственных учреждениях по вольному найму в праве участвовать в политических партиях и союзах и о преграждении таковым лицам противоправительственной агитации» // Особые журналы Совета министров царской России. 1906 г. / Публ. Б. Д. Гальпериной и В. В. Шелохаева. М., 1982. С. 146, 147.

¹⁰¹ К истории манифеста 6 августа 1905 г. // Красный архив. 1926. Т. 14. С. 268.

¹⁰² Николай II – Вильгельму II // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 111.

няет за собой «заботу о дальнейшем усовершенствовании» Думы и право «дать по сему предмету соответственные в свое время указания»¹⁰³.

«Соответствующие указания» и содержал Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», явившийся следствием не столько оппозиционного или революционного движения, сколько принципиальной неприемлемости для Николая II реакционной политики. «Реакция, в сущности, возможна, – записал консервативный публицист Л. А. Тихомиров в августе 1905 г., – но не при этом государе. Этот государь ее искренне не хочет»¹⁰⁴. Манифестом 17 октября Николай II возлагал на кабинет графа С. Ю. Витте дарование населению политических прав и свобод, наделение Думы законодательными полномочиями и расширение избирательного права¹⁰⁵. Традиционно считается, что «отцом» Манифеста 17 октября был именно С. Ю. Витте, однако это опровергал он сам.

Уже 10 октября 1905 г., т. е. до апогея Всероссийской политической стачки, а значит – независимо от нее, Николай II, согласно «Справке», составленной С. Ю. Витте, заявил графу, что «основания» представленного им всеподданнейшего доклада о необходимости политических реформ «было бы лучше» «опубликовать манифестом». С. Ю. Витте выступил 14 октября против издания манифеста и за публикацию его доклада, что «будет гораздо осторожнее, ибо в таком случае предложенные им меры лягут на его, графа Витте, ответственность и не свяжут его величество». Граф «считал более осторожным ограничиться высочайшим утверждением его всеподданнейшего доклада и надеялся, что, может быть, манифеста и не потребуется». Представив Николаю II 15 октября свой проект манифеста, С. Ю. Витте по-прежнему доказывал, что «было бы удобнее ограничиться утверждением прочитанного им всеподданнейшего доклада». Даже вечером 16 октября граф просил министра Двора барона В. Б. Фредерикса «доложить его величеству, что, по его мнению, издавать манифест, как он это уже несколько раз имел честь докладывать его величеству, не нужно, что достаточно и более осторожно обнародовать лишь его высочайше утвержденный всеподданнейший доклад»¹⁰⁶. Таким образом, инициатором Манифеста 17 октября был не С. Ю. Витте, а Николай II, который согласился на

¹⁰³ Манифест 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы» // *Савич Г. Г.* Указ. соч. С. 22.

¹⁰⁴ Тихомиров Л. А. 25 лет назад (Из дневников) / Публ. В. В. Максакова // Красный архив. 1930. Т. 39. С. 73.

¹⁰⁵ Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» // *Савич Г. Г.* Указ. соч. С. 24–25.

¹⁰⁶ Справка о Манифесте 17 октября 1905 г. // Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. Рукописные заметки. С. 215, 216, 217, 218.

его издание, принимая во внимание не Всероссийскую политическую стачку, проходившую под лозунгом Учредительного собрания (о нем в Манифесте нет ни слова), а свои консервативно-либеральные взгляды.

Беседуя 13 октября с членом Государственного совета адмиралом Н. М. Чихачевым, Николай II объявил, что «готов дать конституцию»¹⁰⁷. По повелению царя в ночь с 14 на 15 октября А. А. Будберг, совместно с членом Государственного совета И. Л. Горемыкиным и государственным секретарем бароном Ю. А. Икскулем-фон-Гильденбандтом, составил проект Манифеста, в котором говорилось о придании Думе законодательного характера, даровании свободы личности, веры, слова и собраний, всеобщего избирательного права, введении выборных представителей в Государственный совет, ответственности министров перед палатами и политической амнистии¹⁰⁸. Проект А. А. Будберга имел более либеральный характер, чем проект, подготовленный под руководством С. Ю. Витте Н. И. Вуичем и князем А. Д. Оболенским, и если 17 октября 1905 г. Николай II подписал последний, то только потому, что граф обусловил принятие им премьерства согласием императора на подписание именно виттевского проекта. Манифест 17 октября учредил дуалистическую систему не только фактически, но и формально. В начале 1906 г. Николай II говорил члену Государственного совета В. Н. Коковцову, что Манифестом 17 октября народу дано «право законодательной власти в указанных ему пределах»¹⁰⁹. Согласно историографической аксиоме, содержание Манифеста 17 октября полностью противоречило взглядам Николая II, который, однако, имел по этому вопросу более сложное мнение.

В ответ на письмо Д. Ф. Трепова от 16 октября 1905 г. царь, отмечая «тяжесть окончательного решения вопроса о вступлении на путь самых широких реформ», совершенно недвусмысленно писал: «Я сознаю всю торжественность и значение переживаемой Россией минуты и молю милосердного Господа благословить Промыслом Своим – нас всех и совершаемое рукою моею великое дело». Очевидно, что противник Манифеста 17 октября, да еще в интимном письме, отзывался бы о нем совершенно иначе. Впрочем, далее Николай II признавал: «Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее.

¹⁰⁷ Половцов А. А. *Дневник* // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 76.

¹⁰⁸ Будберг А. А. 15–17 октября 1905 г. в царской резиденции (из записок) / Публ. А. В. Островского и М. М. Сафонова // Английская набережная, 4. Ежегодник. СПб., 1997. С. 395, 398, 400, 401, 406, 408, 409. О подготовке Манифеста 17 октября 1905 г. см.: Островский А. В., Сафонова М. М. Манифест 17 октября 1905 г. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. 1981. Т. 12; Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 192–222.

¹⁰⁹ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. В 2-х тт. М., 1992. Т. 1. С. 123.

Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей и, в конце концов, случилось неизбежное!»¹¹⁰ Казалось бы, вот ярчайшее доказательство того, что Манифест 17 октября появился вопреки Николаю II, но полагать так – значит абсолютно не понимать психологии царя.

Николай II, в силу полученного им английского воспитания, привившего монарху терпимость к разным взглядам, с каждым собеседником говорил на его языке, что, кстати, давало поводы для обвинения царя в лицемерии. В данном случае он писал как бы от имени Д. Ф. Трепова, имевшего репутацию консерватора (впрочем – совершенно необоснованно), которую подтверждало его письмо императору от 16 октября: в нем генерал высказывался против немедленного дарования неприкосновенности личности, национального равноправия, прямого, равного и тайного избирательного права¹¹¹, т. е. ключевых элементов конституции.

Не случайно, что далее, в отличие от предыдущего абзаца своего ответного письма, монарх употреблял местоимение «нас», а не «я». Объединяя себя с Д. Ф. Треповым, Николай II просто успокаивал своего верного слугу, зная из его письма, что виттевский проект Манифеста не устраивал генерала полностью. Проявив благосклонность по отношению к Д. Ф. Трепову, Николай II снова стал писать от своего имени: «Тем не менее, по совести я предпочитаю даровать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки придти к тому же»¹¹². Очевидно, что в этих словах приверженность императора Манифесту 17 октября являла себя с полной очевидностью.

С письмом Николая II Д. Ф. Трепову согласуется письмо царя матери от 19 октября 1905 г. Показательно, что невозможность установления диктатуры Николай II мотивировал тем, что это «стоило бы потоков крови и, в конце концов, привело бы неминуемо к теперешнему положению, т. е. авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый и реформы не могли бы осуществляться». Следовательно, Николай II желал осуществления реформ, и именно поэтому отказался от диктатуры. Царь однозначно признавал, что «обязательство проводить всякий законопроект через Государственную думу – это, в сущности, и есть конституция». Помня, что Мария Федоровна, в роли супруги Александра III, была в свое время противницей конституции, Николай II

¹¹⁰ «Вы единственный из моих слуг, на которого я могу совершенно положиться». Из переписки Николая II и Д. Ф. Трепова. 1905–1906 гг. / Публ. *И. И. Глебовой* // Исторический архив. 2003. № 4. С. 177.

¹¹¹ К истории Манифеста 17 октября 1905 г. Секретная переписка / Публ. *П. Е. Щеголева* // Былое. 1919. № 14. С. 110–111.

¹¹² «Вы единственный из моих слуг, на которого я могу совершенно положиться». С. 177.

описал, как он пришел к «этому страшному решению», однако, отдав дань былому консерватизму матери, царь, говоря уже от себя, заметил, что принял «страшное решение» «совершенно сознательно»¹¹³, т. е. исходя из собственных убеждений.

О своей приверженности Манифесту 17 октября Николай II неоднократно заявлял и публично, причем свои заявления адресовал консерваторам, тем самым жестко дистанцируясь от них, поскольку разделял консервативно-либеральные взгляды. В декабре 1905 г. император объявил депутации правых организаций, что Манифест «есть полное и убежденное выражение» его «непреклонной и непреложной воли и акт, не подлежащий изменению». В феврале 1906 г. царь говорил черносотенцам, что реформы, возведенные Манифестом, «будут осуществлены неизменно», права же, данные «одинаково всему населению, неотъемлемы»¹¹⁴. Приверженность императора Манифесту 17 октября характерна тем более, что он не питал иллюзий относительно способности законодательной Думы быстро вписаться в политическую систему Российской империи. В декабре 1905 г. Николай II говорил С. Ю. Витте про Думу: «Я отлично понимаю, что создаю не помощника, а врага, но утешаю себя мыслью, что мне удастся воспитать государственную силу, которая окажется полезной для того, чтобы в будущем обеспечить России путь спокойного развития, без резкого нарушения тех устоев, на которых она жила столько времени»¹¹⁵. Поводы для царского пессимизма давали оппозиционеры и революционеры: они требовали еще более радикальных уступок, прежде всего – всеобщего избирательного права и немедленно введения парламентаризма.

Консервативно-либеральные взгляды Николая II проводили твердую грань между ним и левыми. На состоявшемся 7 декабря 1905 г. заседании Особого совещания, обсуждавшего проекты закона о выборах в Думу, Николай II заявил: «Идти слишком большими шагами нельзя. Сегодня – всеобщее голосование, а затем недалеко и до демократической республики. Это было бы бессмысленно и преступно»¹¹⁶.

¹¹³ Николай II – Марии Федоровне. 19 октября 1905 г. // Российский императорский дом. Дневники. Письма. Фотографии / Сост. А. Н. Боханов и Д. И. Исмаил-Заде. М., 1992. С. 74, 75.

¹¹⁴ [Николай II] Полное собрание речей. С. 64, 73.

¹¹⁵ Крыжановский С. Е. Воспоминания. Из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, б. г. С. 66.

¹¹⁶ Царскосельские совещания. Протоколы секретного совещания под председательством бывшего императора по вопросу о расширении избирательного права / Под ред. В. В. Водовозова // Былое. № 3 (25). Пг., 1917. С. 258–259. О подготовке нового избирательного закона см.: Ганелин Р. Ш. От Манифеста 17 октября 1905 г. к Третьеиюньскому перевороту 1907 г. // Власть и реформы. С. 516–519.

Автор одного из проектов Основных государственных законов директор Александровского лицея А. П. Саломон, имея в виду намерения монарха, в декабре 1905 г. отмечал, что вводить парламентскую систему, «очевидно, не предполагается»¹¹⁷. Вместе с тем, Николай II стремился к немедленному созыву народного представительства, несмотря на усиление революционного движения. В начале 1906 г., при приеме представителей Союза 17 октября, С. Ю. Витте заявил: «Клянусь вам, что государь желает возможно скорее созвать Думу и осуществить начала, провозглашенные Манифестом 17 октября»¹¹⁸. Конституционалистские наклонности супруга поддерживала Александра Федоровна, которая в 1906 г., по свидетельству сенатора С. П. Белецкого, стояла «на точке зрения необходимости дарования народу полной конституции»¹¹⁹. Каким же образом, по мнению Николая II, сочетались установленная им конституция и существовавшее уже много веков самодержавие – казалось бы, «две вещи несовместные»?

Имея четкие представления об абсолютизме, парламентаризме и дуализме, царь, отмечал В. Н. Коковцов, «отлично понимал различие его самодержавия до 1905 г. и после этого года»¹²⁰. Уникальную возможность получить адекватную информацию о воззрениях императора на соотношение самодержавия и Думы дает работа А. Г. Елчанинова, написанная, как уже указывалось выше, под диктовку Николая II. «Все законы, принятые Думою, – характеризовал А. Г. Елчанинов суть русской конституции, – поступают в Государственный совет, и наоборот – законы, принятые Советом, должны быть рассмотрены Думою. Без этого условия ни один новый закон не может поступить на утверждение государя. Для того чтобы предлагаемый закон считался отклоненным, достаточно, чтобы одна из палат была с ним не согласна. Но без утверждения государя, хотя бы и принятые Думой и Советом, проекты законов не могут иметь силы». Последнее предложение отличало чисто академическое значение, поскольку подразумевавшимся им правом абсолютного вето за всю историю дореволюционных Дум (1906–1917) монарх воспользовался только два раза, в 1909 и 1912 гг., когда он не утвердил прошедшие через обе палаты законопроекты о штатах

¹¹⁷ Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. / Публ. С. В. Куликова // Русское прошлое. 1998. Кн. 8. С. 114.

¹¹⁸ Журнал соединенного совещания С.-Петербургского и Московского отделений ЦК «Союза 17 октября», происходившего в Москве 8 и 9 января 1906 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК / Публ. Д. Б. Павлова. М., 1996. Т. 1. 1905–1907 гг. С. 46.

¹¹⁹ Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима. Л., 1925. Т. 4. С. 273.

¹²⁰ Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 291.

Морского генерального штаба и о ликвидации правовых ограничений лиц, лишенных церковного сана.

Следовательно, Николай II полностью признавал ограничение своей власти в законодательстве, ее дуалистический характер, полагая, вместе с тем, что это не упразднило самодержавие. «Самодержавие, по словам Манифеста 18 февраля 1905 г., “истинное самодержавие”, какое было в Древней Руси, – подчеркивал А. Г. Елчанинов, – созывом народных представителей не умалялось и не ограничивалось. “Самодержавие мое остается таким, каким оно было встарь”, – сказал 16 февраля 1906 г. государь император. За полгода же перед этим, 21 июня 1905 г., монарх произнес величайшего смысла незабвенные исторические слова: “Только то государство и сильно и крепко, которое свято хранит заветы прошлого. Мы сами против этого погрешили, и Бог за это, может быть, нас и карает”. Действительно, самодержавие Древней Руси было неразрывно связано с “голосом земли” – с народным представительством, в лице земских соборов и веча. Теперь, волею государя, этот “голос земли” принял новый, более современный вид, но духом он остался тем же чисто русским “единением царя с народом”, которое впервые зародилось у нас же на Руси и всегда в ней жило»¹²¹. Таким образом, в сочетании самодержавия и Думы Николай II видел не нечто новое, а лишь модификацию традиции, существовавшей еще в Древней Руси.

Данные А. Г. Елчанинова соотносятся со сведениями другого генерала, Н. А. Епанчина, который писал, что под «самодержавием» Николай II понимал порядок, во главе которого стоит не абсолютный монарх, а монарх, «независимый от какой бы то ни было верховной власти, как этот титул и понимали в Московской Руси»¹²². Впрочем, публично провозглашая преемственность между Московской Русью и думской монархией, царь, на самом деле, считал последнюю фактором вестернизации. На Особом журнале Совета министров и 3 и 17 февраля 1907 г., в котором говорилось, что Манифестом 17 октября Россия направлена «по стезе государственного развития западноевропейских народов», Николай II 12 марта написал: «Согласен»¹²³.

Точка зрения царя полностью совпадала с точкой зрения консервативных либералов – октябристов, трактовавших самодержавие не как абсолютизм государя, но как его суверенитет, и разводивших понятия «самодержавный» и «неограниченный». «Согласно нашему Основному

¹²¹ *Елчанинов А. Г.* Указ. соч. С. 118–119, 119–120.

¹²² *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров. М., 1996. С. 332.

¹²³ Особый журнал Совета министров 3 и 17 февраля 1907 г. «По законопроектам, касающимся осуществления свободы совести» // Особые журналы Совета министров царской России. 1907 г. / Публ. *Б. Д. Гальпериной и В. В. Шелохаева.* М., 1984. Ч. 1. С. 457.

закону, – аргументировал свою позицию Центральный комитет Союза 17 октября в начале 1906 г., подразумевая еще старые Основные государственные законы, – император именуется монархом самодержавным и неограниченным. Помещение этих двух слов рядом свидетельствует, что они по мысли нашего законодательства не синонимы. Первым самодержавным государем был Иоанн III, свергнувший татарское иго. Самодержавным царем именовался Михаил Феодорович, который, однако, был государем с ограниченной в значительной мере властью и управлял страной при участии выборных от народа людей. Титул “самодержавный” является нашим историческим достоянием и в представлении народа связан с понятием о монархе, а не неограниченной власти”¹²⁴. Николай II, по сути, согласился с разведением понятий «самодержавный» и «неограниченный», когда при обсуждении в апреле 1906 г. проекта новых Основных государственных законов устранил из них второе понятие¹²⁵.

Несмотря на все правовые и политические последствия Манифеста 17 октября, его значение в историографии чрезмерно преувеличивается, хотя он являлся всего лишь этапом, пусть и важным, длительного процесса постепенного создания Николаем II народного представительства. Другими этапами этого процесса стали: наблюдавшееся с 1895 г. усиление законодательных полномочий Государственного совета, подготовленный в 1900 г. проект императорского Указа Сенату «о созыве представителей земств, больших городов, Академии наук, университетов и биржевых комитетов», допущение выборных представителей населения, согласно новому Учреждению Государственного совета 1901 г., к участию в его деятельности, проект Государственной думы, обсуждавшийся Николаем II с В. К. Плеве в 1902–1904 гг., Манифест 26 февраля 1903 г., Указ 12 декабря 1904 г., Рескрипт и Манифест 18 февраля 1905 г., высочайше утвержденное Мнение Государственного совета 6 июня 1905 г., Манифест 6 августа 1905 г., а также акты, последовавшие за Манифестом 17 октября – Манифест и Указ 20 февраля 1906 г. «Об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы»¹²⁶ и Основные государствен-

¹²⁴ *Лыщинский Л. В.* О значении слова самодержавие (Историческая справка). СПб., 1906. С. 3.

¹²⁵ Царскосельские совещания. Протоколы Секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов / Под ред. *Водовозова* // *Былое*. 1917. № 4. С. 245.

¹²⁶ Манифест и Указ 20 февраля 1906 г. «Об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы» // *Савич Г. Г.* Указ. соч. С. 66–68. Об их подготовке см.: *Ганелин Р. Ш.* Указ. соч. С. 519–523.

ные законы 23 апреля 1906 г.¹²⁷ Характерно, что сам Николай II первенствующее значение придавал именно Основным законам, которые подытожили не только официальные, но и неофициальные шаги, сделанные императором по пути к народному представительству начиная с 1895 г. Как отмечал А. Г. Елчанинов, «важнейшим памятником нынешнего царствования всегда будет преобразование законодательных учреждений и дарование новых Основных законов 1906 г.». «Великое преобразование, – писал генерал в другом месте, – завершилось изданием 23 апреля 1906 г. новых Основных законов, в которых подробно определялся порядок правления Россией государем императором, самодержцем всероссийским, при участии новых законодательных учреждений и Совета министров»¹²⁸.

Согласно Основным законам, Дума фактически и формально была органом конституционно-дуалистической системы и не являлась парламентом, т. е. ограничивала царя в законодательстве, а не в управлении. Публикуя Основные законы 23 апреля 1906 г., Николай II отметил особо, что Манифестом 17 октября 1905 г. возвестил об осуществлении им законодательной власти «в единении с представителями народа», «установив новые пути, по которым будет проявляться самодержавная власть всероссийских монархов в делах законодательства». Основные законы, по словам императора, были дополнены «положениями, точнее разграничивающими область принадлежащей нам нераздельно власти верховного государственного управления от власти законодательной»¹²⁹. Таким образом, Николай II, открыто декларируя «нераздельность», т. е. неограниченность, своей власти в управлении и ее «раздельность» в законодательстве, признавал, тем самым, и то, что, в отличие от управления, в законодательстве его власть ограничена.

Рассматривая создание дореволюционной Государственной думы не как одномоментный акт, а как длительный процесс, растянувшийся

¹²⁷ О создании новых Основных законов см.: Куликов С. В. 1) Граф С. Ю. Витте и П. А. Харитонов: эпизод из истории создания Основных государственных законов 1906 г. // С. Ю. Витте – выдающийся государственный деятель России. Мат. науч. конф. СПб., 1999; 2) Власть науки и наука власти в России нач. XX в. // Россия XXI. 2001. № 5–6; 3) Основные государственные законы 1906 г.: рецензия западного конституционализма в России нач. XX в. // Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве. Мат. всеросс. науч.-методол. сем. СПб., 2004. См. также: Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. / Публ. С. В. Куликова // Русское прошлое. 1998. Кн. 8; Институт экспертизы при создании Основных законов 1906 г. Неопубликованные документы / Публ. С. В. Куликова // Нестор. 2004. № 4. Наука и власть.

¹²⁸ Елчанинов А. Г. Указ. соч. С. 117, 119.

¹²⁹ 1906 г., апреля 23 высочайше утвержденные Основные государственные законы. // Российское законодательство X–XX вв. В 9-ти тт. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / Под ред. О. И. Чистякова. М., 1994. С. 44.

с 1895 по 1906 г., можно прийти к выводу, что, вопреки историографическому стереотипу, Николай II не являлся противником идеи народного представительства и в полном смысле слова стал его создателем, действуя под влиянием не столько внешних факторов (оппозиционное или революционное движение), сколько своих консервативно-либеральных взглядов. Именно они придали созданию Думы ту, с точки зрения оппозиции – излишнюю, постепенность, которая порождала иллюзию, будто монарх сопротивляется возникновению нового строя, идя на уступки лишь под давлением извне, а не воплощая давно разработанные собственные планы.

Консервативно-либеральные взгляды предопределили и характерное для 1906–1917 гг. отношение Николая II к последующей эволюции народного представительства, трактовавшейся им не как быстрая замена дуализма парламентаризмом, а как плавный и, опять-таки, постепенный переход от одного к другому. Между тем, до сих пор исследователи рассматривают отношения царя и Думы как игру в одни ворота: стремление последней к немедленному введению парламентаризма, т. е. государственному перевороту, считается чем-то нормальным, а полностью соответствовавшее Основным законам 1906 г. противодействие монарха поползновениям оппозиции – как нечто совершенно возмутительное¹³⁰. При этом игнорируется тот факт, что, начав свое царствование с фактического превращения Государственного совета в законодательный орган, император, покидая престол, превратил Думу в полноценный парламент. И если Манифест 2 марта 1917 г. об отречении Николая II от престола оказался началом конца не только монархии, но и Думы, то по вине самой Думы, которая, возглавив Февральскую революцию, совершила над собой акт самоубийства¹³¹. Преподанный последней дореволюционной Думой трагический урок учли уже постсоветские Думы.

¹³⁰ Подробнее об отношении Николая II к I–IV Думам см.: Куликов С. В. 1) Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004; 2) Государственная дума Российской империи: политическое измерение ораторских ристаний (1906–1907) // Ораторы России в Государственной думе (1906–1917). В 2-х тт. СПб., 2004. Т. 1. (1906–1907); 3) Государственная дума Российской империи: политическое измерение ораторских ристаний (1907–1917) // Ораторы России в Государственной думе (1906–1917). В 2-х тт. СПб., 2004. Т. 2. (1907–1917); 4) Парламент без парламентаризма. Государственная дума в царской России (1906–1917 гг.). // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3 (4); 5) Думская монархия 1906–1917 гг.: мифы восприятия и реалии истории. // С.-Петербургский международный летний культурно-исторический университет 2006 г. Реформы в России XVI – нач. XX вв. СПб., 2006.

¹³¹ О роли IV Думы в Февральской революции см.: Николаев А. Б. 1) Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002; 2) Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля–3 марта 1917 г. СПб., 2005.